

Этот сонет делится на две части: в первой я шлю приветствие, испрашивая ответа, во второй указываю, на что я жду ответа. Вторая часть начинается: «На небе звезд не меркнуло сиянье...»

Мне ответили многие, по-разному уразумевшие мой сонет. Мне ответил и тот, кого я назвал вскоре первым своим другом. Он написал сонет, начинающийся: «Вы видели пределы упования...» Когда он узнал, что я тот, кто послал ему сонет, началась наша дружба. Подлинный смысл этого сна тогда никто не понял, ныне он ясен и самым простым людям.

IV.

С тех пор как мне предстало это видение, мой природный дух оказался стеснен в своих проявлениях, так как душа моя была погружена в мысли о Благороднейшей. Таким образом, по прошествии краткого времени я стал слабым и хилым, так что многим моим друзьям было тяжело смотреть на меня, а иные, полные зависти и любопытства, стремились узнать то, что я хотел скрыть ото всех. Но я, заметив недоброжелательность их вопросов, по воле Амора, руководившего мною сообразно с советами разума, отвечал им, что тот, кем я столь измучен, – Амор. Я говорил об Аморе, так как на лице моем запечатлелось столько его примет, что скрывать мое состояние было невозможно. А когда меня спрашивали: «Из-за кого тебя поражает этот Амор?» – я смотрел на них, улыбался и ничего не говорил им.

V.

Однажды Благороднейшая пребывала в том месте, где раздавались похвалы преславной королеве небес, я же был там, откуда мог лицезреть блаженство моих дней. Между нами по прямой линии, идущей от нее ко мне, сидела некая благородная дама весьма приятной наружности. Она часто смотрела на меня, удивленная взглядами, которые, казалось, устремлялись к ней. Тогда многие заметили ее взоры, и столь привлекла она на себя внимание, что, удаляясь, я слышал, как люди говорили за моей спиной: «Посмотри, как он терзается из-за этой дамы». Они называли ее по имени, и я понял, что говорили они о той, которая находилась посреди линии, исходившей от Благороднейшей Беатриче и кончавшейся моими глазами. Тогда я вполне успокоился, убедившись, что взгляд мой не открыл другим тайны моей в этот день. С тех пор я решил, что эта дама будет моей завесой, скрывающей истину, и столь в этом преуспел в течение краткого времени, что многие обо мне говорившие полагали, что знают тайну мою. Благодаря этой даме месяцы и годы скрывал я мои помыслы. И чтобы заставить других в это поверить, я написал для нее несколько малых стихотворений, из которых достойны быть упомянутыми здесь лишь те, которые относятся к Беатриче; поэтому я оставляю их в стороне, за исключением того небольшого, что может послужить для прославления Благороднейшей.

VI.

Я говорю, что в то время, как эта госпожа служила завесой великой любви, мною завладевшей, я решился упомянуть имя Благороднейшей в окружении имен многих дам, и особенно благородной госпожи, о которой я говорил. И я избрал имена шестидесяти самых красивых дам того города, где моя дама родилась по воле Всевышнего, я сочинил послание в форме сирвентезы, которое я здесь приводить не буду. И я совсем бы не упомянул о нем, если бы в этом послании имя моей дамы не соблаговолило чудесно прозвучать среди других имен на девятом месте.

VII.